

А. В. ШТАЛЬ

**Черчилль — первый лорд Адмиралтейства
в мировой кризис 1911–1915 гг.**

<Фрагмент>

<...> Исключительный интерес имеет появившийся в апреле сего года и вышедший в том же месяце вторым изданием первый том труда первого лорда Адмиралтейства В. Черчилля.

И именно последний труд более других освещает замыслы, планы и деятельность Высшего Английского Морского Командования.

I

Деятельность Черчилля в качестве первого лорда Адмиралтейства начинается с Агадирского кризиса (1911)¹ и обнимает последний стаж интенсивной подготовки к войне с Германией; мобилизацию и сосредоточение флота пред началом войны; сбор в 1914 г. имперских сил со всех концов света; очищение океанов от германских крейсеров и истребителей торговли; усиление флота вновь построенными судами в 1914–1916 г.; первые мероприятия против возникшей подводной опасности; прелюдию и начало Дарданелльской операции. С его деятельностью в Адмиралтействе связаны наиболее выдающиеся дела за этот период: пересмотр планов морской войны, учреждение Морского Генерального Штаба, постройка Fast Division — быстроходных боевых судов «С-15» артиллерией и нефтяным отоплением; предложение, отвергнутое Германией о приостановке морских вооружений; приведение флота в полную боевую готовность.

Во время войны руководство морскими операциями, отмеченное сражениями в Гельголандской бухте, у Фалкландских

островов и на Доггер Банке, поддержка Антвериена и бельгийской армии у фландрского побережья.

Темными пятнами являются — упущение *Гебена*, гибель 3 английских крейсеров у Текселя, гибель эскадры Крадока и неудача Дарданелльской экспедиции. Таким образом, деятельность Черчилля обнимала наиболее важный период начала мировой войны и последние годы напряженной подготовки к ней. Многие писали об этом периоде: Фишер, Джеллико, френч, биографы Китченера, штаб Хейга; Корбет на 1000 страницах официальной истории, рассказавший ведение войны в течение всего управления Черчилля; солидные труды Шеера, Тирпитца и германского морского архива. Но книга Черчилля более, чем какая-либо другая проливает свет на замыслы Английского Высшего Морского Командования и мотивировку его деятельности за указанный период, во многих областях оставшуюся неизвестной или предположительной. Хотя она содержит личные взгляды главного руководителя английского Адмиралтейства и его личную оценку событий, но сопровождается множеством подлинных -официальных документов и писем самого автора, как первого лорда Адмиралтейства, так и его выдающихся военных и политических сподвижников.

Поэтому она является незаменимым дополнением и комментарием официальной истории Корбета, знакомство с которой, однако, необходимо, как с систематическим изложением событий для понимания и надлежащей оценки книги Черчилля.

Помимо изложения специально военно-морской деятельности Адмиралтейства, книга дает изображение, на фоне исторических событий, приемов английской политики внешней и внутренней, характеристику действующих лиц и их взаимоотношений.

Принято думать, что вся государственная власть в Англии находится в руках Парламента, который выдвигает для текущей, ответственной перед ним, работы, Кабинет Министров; на самом деле такое представление далеко от действительности и Министерство гораздо более руководит Парламентом, чем наоборот.

В Англии вовсе нет писаной конституции и еще Пальмерстон² говаривал ссылавшимся на нее, что он готов дать хорошую награду тому, кто принесет ему экземпляр английской конституции.

До книги Черчилля можно проследить, как Кабинет вел свою политику и довел Парламент, поставленный пред лицом созданных Кабинетом условий, до необходимости препятствия и утверждения политики Кабинета.

Современники запечатлели суровый приговор Черчиллю как государственному деятелю: «Черчилль выказал необыкновенную энергию, трудолюбие, изобретательность и патриотизм, но не имел достаточно благоразумия и осторожности».

Но приговор этот вынесен до выслушания ответчика т. е. до появления книги Черчилля; Да, он был пылок, кипуч, деятелен, на лету схватывал важную мысль и указание своих сотрудников и подчиненных и быстро приводил ее в движение. Да, он был самоуверен и, быть может, в некоторых случаях неосторожен, или чересчур настойчив. Но в выше приведенном суровом приговоре не упомянуты два главнейших качества — *широкое понимание государственных задач и военное мышление*, без которых все остальные качества на этом посту не могли бы дать ничего; а он видел дальше и яснее всех своих морских коллег-специалистов и сделал многое для вывода английского флота из того положения, в котором он был в критические годы перед войной.

Он входил насколько мог в жизнь флота, но он не жил этой жизнью *в боевой обстановке*, он не плавал и не командовал, — потому ему трудно самому было проникнуть и оценить чисто морскую обстановку, а это начало сказываться во время войны. Это ясно можно усмотреть из донесений Джеллико и письма Битти Черчиллю в октябре 1914 г. и несогласий о Фишером при начале Дарданелльской операции.

Не забудем, что Морской Генеральный Штаб³ только что начал работать, организация его не достигла еще того развития, как в последние годы войны, положение начальника М. Ген. Штаба было мало авторитетно при топ сложности, запутанности и неопределенности взаимоотношений высших военно-морских учреждений и лиц, которые вскрыла Дарданелльская комиссия. Вся машина ворочалась крайне неуклюже.

При таких условиях трудно требовать большего от лица, положение которого определялось тем, что с одной стороны он являлся гражданским министром, назначаемым по политическим и парламентским соображениям, а не морским специалистом, — а с другой стороны по указу он был ответствен за *все* дела Адмиралтейства перед королем и Парламентом.

И Черчилль рисует положение Адмиралтейства по отношению к флоту и позицию первого лорда Адмиралтейства по отношению к его морским коллегам-специалистам.

Он излагает обязанности и ответственность первого лорда во время войны, как он понимал их сам при своей деятельности, излагает процесс и методы работы военно-морского командования, сравнивает их с германскими методами и положением Тирпитца и Ноля.

Точка зрения автора на мировой кризис проникнута чисто английским национальным эгоизмом и библейской нетерпимостью. Это — неизменная правота Англии и вина Германии, главным образом, в лице ее государственных деятелей — кайзера⁴ и Тирпитца⁵.

Тирпитцу Черчилль дает невысокую оценку, ставя ему в упрек политическую незрелость, наивность и недомыслие.

В отношении политики с этим до некоторой степени можно согласиться. Тирпиц был прямее и не обладал гибкостью, столь необходимой крупному государственному и политическому деятелю.

Просто он был не в курсе широкой государственной политики и замыслов германской высшей стратегии и карьера его протекала в узкой сфере Морского Министерства.

Английские планы морской войны перерабатывались по инициативе и под руководством Черчилля в тесном контакте с военным ведомством и Министерством Иностранных дел, а Тирпитцу только 30/VII 1914 показали оперативный приказ кайзера.

Но еще неизвестно, как бы развернулась борьба, если бы Тирпитц был с самого начала Начальником Мор. Генер. Штаба и мог бы вести дела без помехи кайзера и его кабинета. Одно можно сказать, что ход событий был бы совершенно иной.

В чисто военно-морской области Тирпитц был достойным соперником Фишера, хотя и не столь талантливый, но за то более методичным.

При всей одаренности, Черчилль и сам был не застрахован от ошибок, когда его самоуверенность, или неверная оценка положения, приводила к катастрофам (Коронель) или неудачам (Дарданеллы), хотя он и заявляет, что в некоторых делах он не сомневался, что и когда надо сделать, главная трудность для него было убедить окружающих).

Правда, это утверждение относится к более раннему периоду его деятельности, до начала войны.

Как бы то и было, нельзя отрицать, что среди целой плеяды выдающихся английских государственных людей этого периода,

Черчилль — одна из ярких фигур, как по личным качествам, так и по той подготовке, которая привела его на пост первого лорда Адмиралтейства и вынесла на гребень вала мировых событий.

Помимо огромного интереса самого содержания, блестящей характеристики действующих лиц и роли самого автора, труд Черчилля, отличается талантливим изложением, отчетливым слогом, сжатою последовательностью мысли, но не всегда выдержан в стиле эпического бесстрастия и уважения ко врагу, что свойственно солидным трудам Шеера и Джеллико. Цель книги — отдать на суд соотечественников свою деятельность, показать долю своего участия в делах флота и ответственности за события.

Спустя 8 лет после своего ухода из Адмиралтейства, после того как появились вышеперечисленные труды, английские и немецкие, о том периоде войны, когда Черчилль руководил действиями английского флота, он считает своим правом и обязанностью изложить тот образ действий, которого он держался при выполнении своих обязанностей в этих больших и ответственных делах. «При изложении их», говорит он, «я придерживался некоторых строгих правил. Я не устанавливал ни одного важного факта, относящегося к морским операциям или адмиралтейским делам, по которым я не располагал непогрешимыми документальными доказательствами. Я не критиковал ни одного решения или действия, принятого или отвергнутого другими, без того, чтобы я не мог доказать, что я выражал тоже самое мнение письменно *до события*».

«В тех случаях, когда допускали интересы государства, я приводил подлинные меморандумы, директивы, документы, телеграммы или письма, писанные мной, независимо от того, оправдал или осудил их ход событий».

«Главные документы, по которым направлялись дела Адмиралтейства, содержат в каждом случае — решения, за которые, я, как высшая исполнительная власть в министерстве, прямо ответствен, и все они выражены в моих собственных словах. Я одинаково ответствен с первым морским лордом за главные телеграммы, которыми двигались флоты, эскадры и отдельные корабли, за все, помеченное моими инициалами, как окончательной санкцией». «Иногда приходилось принять 10–20 важных решений за день. Сложные директивы и наставления (recommendations) давались письменно, как скоро они могли

быть продиктованы. Никакое более или менее важное указание не давалось мной устно и поэтому существует полная запись, как исполнения, так и распоряжения.

«Если решение лежало вне моей власти, или противоречило моему представлению, я оставлял его в письменном виде для памяти».

Отдавая свой труд на суд соотечественников, Черчилль выражает надежду, что читатель почувствует, что Великобритания не так худо была проведена через «великие конвульсии» как это обычно принято было изображать.

Черчилль принял должность первого лорда Адмиралтейства по предложению первого министра Асквита в октябре 1911 г. До того времени Черчилль последовательно занимал следующие должности: Товарища Министра Колоний (Tinder Secretary of State of Colonies) с 1905 по 1908 год, что помогло ему изучить нужды, интересы и политическое положение колоний; Президента Торговой Палаты (President of Board of Trade) в 1909 г., что дало ему возможность ознакомиться с состоянием финансов и промышленности Германии; Статс-секретаря по внутренним делам (Home Secretary) с 1909–1911 г., расширившую его административный опыт.

Причина вступления в Адмиралтейство Черчилля, бывшего перед тем Министром Внутренних дел, довольно необычна. Далекий от мысли о надвигавшейся опасности, он был в оппозиции судостроительной программе 1909 года своего предшественника Мак-Кенна. Но приглашенный Асквитом в августе 1911 г. на весьма секретное заседание во время Агадирского кризиса, он был поражен разногласием военного и морского ведомства.

«Серьезное несогласие между морским и сухопутным штабами в такое критическое время по фундаментальным решениям было непосредственной причиной моего вступления в Адмиралтейство».

— После того как совещание кончилось, лорд Haldane осведомил первого министра, что он не может продолжать нести ответственность за Военное Ведомство, если Адмиралтейство не будет призвано к работе *в полной солидарности с планами Военного Ведомства и не приступит к организации своего Морского Генерального штаба*. «Конечно, я ничего не знал этого, но этому суждено было вскоре повлиять на мою судьбу самым решительным образом».

Поэтому, когда в октябре 1911 г. Асквит предложил ему пост первого лорда Адмиралтейства, он, не колеблясь, отвечал согласием. «Весь мой ум, вся душа были полны опасностью войны», пишет он.

26 октября 1911 г. Черчилль и Мак-Кенна поменялись местами, и это тотчас повлекло за собой полную перемену в составе высших чинов Адмиралтейства. В высшей степени интересны мотивы и приемы, которыми руководился Черчилль в подборе своих сотрудников.

«Хотя мое образование было преимущественно военное, я близко следил за всеми деталями морских контроверз за предыдущие 5 лет в Кабинете, Парламенте и позднее в комитете Имперской обороны; и я имел известные общие идеи из которых я исходил в моих действиях и которые конечно, я был послан провести в Адмиралтействе. Я намеревался приготовиться к нападению Германии, как *если бы она началась на следующий день*. Я намеревался довести флот до возможной силы и достичь, чтобы эта сила была немедленно готова. Мне было поручено создать Морской Генеральный Штаб. Я решил проводить все реформы тотчас в тесном единении с Военным Ведомством для обеспечения перевозки британских войск во Францию, если бы возникла война. Я имел твердую поддержку Военного министерства и министерства иностранных дел. Я имел опору в первом министре и канцлере казначейства. Кроме того, все, кто знал кризис, чрез который мы только что прошли, были глубоко встревожены. При таких условиях оставалось только изучить методы и выбрать людей».

— Самое тяжелое время для Черчилля было — октябрь, ноябрь 1914 г. Кризис в Бельгии, угроза портам Канала, угроза Большому Флоту, не имевшему убежища от подводной опасности угроза Египту и морским сообщениям, Коронель и угроза морской торговле угнетали его душу. «*Не проходит часу без возможности какого-либо несчастья в той или иной части света*».

Его позиция к этому времени была уже поколеблена. Впервые общественное мнение обрушилось на него за гибель 3-х крейсеров в Северном море. Печатно высказывались мнения, что это несчастье есть результат того, что во главе флота стоит гражданский министр.

Но как в этом случае, так и случае упущения *Гебена* Дарданелльской неудачи и др., Черчилль не мог выступить в свою

защиту в силу своего официального положения и соблюдении военной тайны.

Главной виной Черчилля во время войны была поставлена атака Дарданелл, которую он форсировал, не смотря на возрастающее сопротивление Фишера. Трения, возникшие между ним и Фишером, были одной из причин, побудивших Асквита в мае 1916 г. пригласить унионистов в состав коалиционного правительства. Перемены в Адмиралтействе сделались необходимы, и в мае Черчилля заместил Бальфур.

Познакомившись поближе с личностью автора характером его труда, перейдем теперь к рассмотрению его замыслов, планов и роли в эту эпоху, как руководителя английского Адмиралтейства и флота.

Решение величайшей военной державы сделаться в то же время, по крайней мере, второй морской державой является истинной основой страха, гнева и решимости Англии.

Заключением соглашения с Францией в 1904 г., Англии разом убила двух зайцев: в лице традиционного врага приобретала союзника на континенте против Германии и обеспечивала за собой Египет. Суть соглашения заключалась в том, что Франция отказывалась от противодействия британским интересам в Египте, а Британия оказывала общую поддержку видам Франции на Марокко.

И консерваторы, и либералы приветствовали это соглашение и одинокий голос лорда Розберри, убежденного, что это соглашение скорее приведет к осложнениям, чем к миру, был встречен общим осуждением.

К этому времени относится создание Бальфуром Комитета Имперской обороны, — «инструмента для подготовки к войне».

В 1905 году уже прибыла в Фец французская миссия с явным покушением вести дела в Марокко, как находящимся под французским «протекторатом», игнорируя тем Мадридский договор⁶.

Мароккский султан обратился за поддержкой к Германии. Германский император появился в Танжере и произнес известную речь. В результате созыв в Алжезирасе конференции держав, подписавших Мадридский договор. В виду только что заключенного соглашения с Францией, Кэмпбелль уполномочил Грея оказать пока только дипломатическую поддержку на конференции Франции, совершенно не готовой к войне.

В то же время он уполномочил начать военные переговоры между британским и французским генеральными штабами для

согласования действий в случае войны. С этого времени отношения между штабами становятся все доверчивее и перед мировой войной и в начале ее до ноября 1914 г., бывшее Командование военными и морскими операциями было сосредоточено в Кабинете при содействии Комитета Имперской Обороны. Адмиралтейство и Военное Министерство действовали как исполнительные органы кабинета. Этот Комитет, созданный в 1901 г. и реорганизованный в 1904 г., был совещательным учреждением и не нес никаких исполнительных функций, но на практике случалось, что решение ого сообщалось ответственному департаменту для исполнения. Председателем его всегда был первый министр, который приглашал для сотрудничества канцлера казначейства, статс-секретарей по военным, иностранным делам и Индии и первого лорда Адмиралтейства; фактически он был Комитетом Кабинета о добавлении нескольких экспертов.

С началом войны Кабинет возрос до 22 членов и сделался слишком громоздким, чтобы управлять ведением войны. 13 ноября 1914 г. место Комитета Имперской Обороны занял Военный совет. Хотя права Соединенного Комитета остались прежние, но уже Военный Совет окончательно решал в важнейших случаях и давал ход решениям, не ожидая одобрения Кабинета интимнее. Умы английских военных направляются в определенное русло. Хотя оба правительства и уверяли друг друга, что в этих «технических дискуссиях» нет никакого, политического или национального уговора, но факт, что они завязали чрезвычайно крепкий узел, остается.

Как известно, Германия осталась изолированной на конференции и принуждена была отступить.

Все это было только прологом к разразившемуся в 1911 г. Агадирскому кризису. После того как французская экспедиция оккупировала Фец, Германия заявила, что имеет торговые интересы в Агадире и прилегающей области. Франция предложила «компенсацию» Германии в области Конго. Германия послала *Пантеру* в Агадир для защиты своих интересов. Англия, заглянув в атлас, была удивлена, зачем Германии морская база в таком щекотливом месте и поставила этот факт в связи с деятельностью Германии на Мадере и Канарских островах и направлением продовольственных и торговых морских путей из Южн. Америки и Южной Африки, которые проходят и скрещиваются в этих водах.

«Сердечное соглашение» с Францией зашло уже далеко и, когда германский посол осведомил Грея о действиях Германии, британское правительство заняло уже решительную позицию и Грей ответил, что Англия сама заинтересована в Марокко и пока не будут известны германские намерения, займет выжидательное положение.

Через 2 недели Ллойд-Джордж, бывший канцлером казначейства, произнес зажигательную речь, принятую в Германии как предупреждение, что английский флот будет на стороне Франции.

Несколько дней спустя Грей сообщил Ллойд-Джорджу и Черчиллю: «Я только что получил от германского посла столь жесткое сообщение, что флот может быть атакован в любой момент. Я послал Мак-Кенну предупреждение». Прибывший во время этого разговора первый лорд Адмиралтейства, через пять минут помчался отдавать предупредительные распоряжения.

До этого времени Черчилль, как министр внутренних дел, не принимал специального участия в этом деле, но следил за ним крайне внимательно в качестве члена кабинета; теперь же, узнав от начальника полиции, что министерство внутренних дел по странному установлению ответственно за охрану морских складов взрывчатых веществ в Cliallenden и Lodg Hill, он ощутил внезапную тревогу в виду серьезности положения.

Он тотчас телефонирует в Адмиралтейство, прося прислать отряд моряков для охраны складов, до того времени находившихся всегда под надзором нескольких мирно дремавших констеблей. Получив отказ, он звонит в Военное Министерство и военный министр Haldane через несколько минут отдает распоряжение.

Этот незначительный случай показывает, что тот, кто начал оценивать положение в таком свете, не мог уже думать иначе.

После этого мысль Черчилля стала искать другие уязвимые пункты. Он повидался с секретарем Комитета Имперской обороны, трудившимся над разработкой так называемой war-book. Еще за несколько лет до Агадирского кризиса Адмиралтейство составило план (War List), в котором подробно излагалась деятельность флота и Адмиралтейства в период натянутых отношений известных под именем с предупредительного периода (по русской терминологии — «подготовительный к войне период»). После реорганизации армии военным министром Haldane'ом в пред-

видении переброски сил во Францию, Асквит, побуждаемый Haldane'ом, в январе 1911 г. образовал при Комитете Имперской обороны постоянную комиссию для согласования действий ведомств при открытии военных действий.

В состав ее вошли представители Адмиралтейства, военного ведомства, министерств иностранных и внутренних дел, колоний, Индии, таможенный департамент и министерство почт.

Результатом работ этой комиссии явилась «книга войны» (war book), где было подробно указано, что надлежит делать каждому ведомству в отдельности и как и где должна производиться работа.

Были изданы специальные распоряжения, чтобы в каждой канцелярии ответственный чиновник находился во всякое время. Необходимые телеграммы, числом до тысячи были заготовлены заблаговременно и подобраны в порядке их отправления, — всевозможные документы хранились наготове в конвертах с адресами. Все необходимые бумаги, приказы, манифесты были напечатаны, и вся система была так развита, что даже король никогда не выезжал, не взяв особой тех бумаг, которые могли потребовать его экстренной подписи.

В сущности, в предупредительный период ничего важного нельзя было сделать в достаточной степени тайно, не приводя в смятение общественное мнение. Исключение представлял только флот. Секрет морских распоряжений мог быть соблюден благодаря тому, что главные силы флота находились постоянно на военном положении. Следовательно, можно было предпринять некоторые предварительные шаги. На этой основе и была построена «Адмиралтейская книга войны». Вся система была окончена и приурочена к июню 1914 г.

Он осведомился о шпионаже и контрразведке, о шпионах и германских агентах в британских портах и сделал распоряжение отныне исследовать корреспонденцию частных лиц. Это скоро обнаружило систему оплачиваемых германцами британских агентов. Но это была только малая часть той области подготовки, на которую простиралась обязанность вмешательства министра внутренних дел.

Бюджет, свободная торговля, мир, реформы, борьба партий, — все побледнело пред новой мыслью. Он начал усиленно изучать военное положение Европы. Военный министр поручил своим офицерам осведомлять Черчилля о всем, что бы ему не понадоби-

лось. Начальник Генерального Штаба. В. Никольсон был старым другом Черчилля. Но более всего Черчилль научился у Директора Военных операций генерала Вильсона, посвященного в секреты французского Генерального Штаба у которого в руках были все нити военной разведки.

23 авг. 1911 г. после роспуска парламента, первый министр собрал весьма секретное совещание в связи с Агадирским кризисом. На совещание были приглашены министры иностранных дел, военный, морской (первый лорд Адмиралтейства), канцлер казначейства и главные начальники армии и флота.

Был также приглашен Черчилль, хотя Министерства внутренних дел это и не касалось непосредственно.

Генерал Г. Вильсон, как Директор Военных операций, установил взгляды Генерального штаба. Он подробно изложил германский план нападения на Францию, впоследствии оправдавшийся с поразительной точностью. Вопрос был только в том, как далеко будет закинуто в Бельгию правое германское крыло и какие силы пройдут на западную сторону Мааса. В то время самые мрачные предположения не превосходили одного, много двух, корпусов. Немцы, как потом оказалось, прошли двумя армиями.

Позиция Голландии также изучалась. Не предполагалось, что немцы пройдут через Голландию, как через Бельгию, но допускалось, что они могли счесть удобным пройти через южный выступ Голландии, на языке Британского Генерального штаба называвшийся «Мастрихтским аппендиксом».

Французский план для встречи, этого грозного положения не был подробно изложен, но ясно было, что они надеются предупредить и разорвать германское охватывающее движение контр-наступлением большого размаха. Британский Генеральный штаб считал, что, если 6 английских дивизий будут посланы немедленно по объявлении войны на французский левый фланг, шансы на отражение немцев в первом крупном боевом столкновении будут благоприятны. Указание на медленность русской мобилизации рассеяло многие иллюзии. Казалось невероятным, что немцы ограничатся оставлением едва двух десятков дивизий против всей мощи России. Но британский Генеральный штаб считал такое решение хорошо обоснованным.

Того, что России удастся оттянуть два корпуса в критический момент «тогда нельзя было предвидеть и большинство забыло об этом теперь», — замечает Черчилль.

Затем выступил первый мороккой лорд Арт. Вильсон с изложением взглядов па политику, какой следовало держаться, если Англия будет вовлечена в войну.

Он не открыл планов Адмиралтейства, — их он замкнул в своей голове, но указал, что в основе их лежит принцип тесной блокады неприятельских портов.

Сразу обнаружилось, что между взглядами Военного ведомства и Адмиралтейством существует глубокое различие. Адмиралтейство считало, что надлежит ограничить участие Англии морем; что если английская маленькая армия будет послана на континент, она тотчас будет поглощена в несметной массе борющихся войск. Если же держать ее в готовности к высадке для контр-удара против германских берегов, она оттянула бы более многочисленную группу, чем она сама, с германской боевой линии.

Этот взгляд сильно оспаривался сухопутным Генеральным штабом и не одобрялся большинством присутствующих. Кроме того в вопросах, связанных с высадкой, взгляды военных и морских авторитетов оказались в полном разногласии.

Черчилль вынес представление, что британские военные люди, горячо желавшие видеть свою страну вмешавшеюся на стороне Франции и убежденные, что разгром ее будет гибелен для Британии, склонны были преувеличивать силу Франции и сочувствовать ее замыслам более широким, чем те, какие могли быть осуществлены. Французский Генеральный штаб был решителен и полон надежд, что смелым захватом инициативы сильное наступление в Эльзас-Лотарингию⁷ могло бы разрушить хорошо задуманный германский марш-маневр через Бельгию на Париж. Эти надежды отражались и на оценках Британского Генерального штаба.

Черчилль не мог разделять их. Поэтому он составил меморандум для Комитета Имперской Обороны, содержащий его собственные заключения обо всем, что он узнал от Генерального штаба.

В этом меморандуме он называет *20-м днем* мобилизации — день, когда французские армии будут отброшены от линии Мааса⁸ и отступят на Париж и к югу; и *40-м днем*, — когда Германия развернет до полного напряжения свои силы, внутренние и на военных фронтах, и когда представятся удобные случаи для испытания сил. На деле, оба эти предвидения почти буквально оправдались событиями 3 года спустя.

«Я перепечатал этот меморандум 2 сент. 1914 г., — говорит Черчилль, — с целью ободрить моих коллег надеждой, что, если неблагоприятное предсказание выдержано нами около 20-го дня, то и благоприятное предсказание также исполнится около 40-го дня. Так и случилось».

После Совещания 23/VIII Военное ведомство было окутано тайной; не предпринималось ничего явного, но все приготовления были сделаны, все железнодорожные графики разработаны, тысячи карт Бельгии и Сев. Франции отпечатаны, кавалерийские маневры отменены. Пресса без давления цензуры соблюдала полное молчание. Большая железнодорожная стачка окончилась с таинственной внезапностью после конфиденциального сообщения канцлера казначейства.

В октябре Черчилль занял пост первого лорда Адмиралтейства.

Сметы на 1912/1913 финансовый год проведены уже были далеко. Число судов, подлежащих закладке, установлено. Но большая неопределенность царила во всех планах и нельзя было решить, каковы они должны быть, пока не станет известным новый германский закон о флоте. Притом ряд морских вопросов первой важности, по мнению Черчилля, требовал новой трактовки.

Во-первых — план войны, в основе которого, до того времени лежал принцип тесной блокады;

Во-вторых — реорганизация флота в целях увеличения его немедленной боевой готовности;

В-третьих — меры охраны против всяких неожиданностей в случае внезапной атаки;

В-четвертых — образование Морского Генерального штаба;

В-пятых — согласование морского и сухопутного планов войны, тесной совместной работой обоих ведомств;

В-шестых — дальнейшее развитие проектов увеличения артиллерийской мощи новых судов всех классов;

В-седьмых — перемены в высшем командовании флота и составе Адмиралтейства.

Кроме того Черчиллем были приняты сразу кое какие меры, «чтобы он мог спать спокойно». Охрана морских складов взрывчатых веществ была обеспечена Адмиралтейством. Были установлены постоянные дежурства морских офицеров в придачу к адмиралтейским служащим, чтобы днем, ночью, в будни и праздники не было задержки в случае тревоги и один из мор-

ских лордов всегда должен был находиться в Адмиралтействе или поблизости, чтобы принять меры.

На большой карте Северного моря, висевшей в кабинете первого лорда, ежедневно офицер штаба должен был отмечать флажками положение германского флота. И это проделывалось ежедневно до самого начала войны, когда начали функционировать огромные карты, покрывавшие всю стену военной комнаты.

«Я принял за правило, — рассказывает Черчилль, — смотреть на свою карту каждый день, входя в кабинет. Я, делая это не столько для своего осведомления, ибо у меня было много других источников, но чтобы внедрить в свою работу и работу окружающих меня чувство постоянно висящей над нами опасности.

И это делалось в годы глубокого мира, тогда как у нас в России, за несколько дней до начала войны, пришлось запрашивать нашего морского агента в Берлине о дислокации германского флота. Невероятно, но факт. Почему так было? Потому, что у нас было не «высшее командование», а «высшее управление».

Первого морского лорда сэра Артура Вильсона Черчилль характеризует как тип прежнего закаленного моряка, в высшей степени бесстрашного, преданного долгу, всегда и всем довольного. «Ему ничего не было нужно, и он не боялся ничего, абсолютно ничего». Но при этих возвышенных чертах характера, Черчилль встретил в нем полное расхождение с своими стратегическими взглядами.

Он считал ненужным создание Морского Генерального штаба; Черчилль пришел создать его. Он не одобрял планов Военного Ведомства посылки армии во Францию в случае войны; Черчилль считал своею обязанностью довести морскую сторону этого дела до возможного совершенства.

Он был сторонником тесной блокады; Черчилль держался мнения о необходимости дальней, считая, что новые условия сделали тесную уже невозможной.

Тесная блокада германских портов была предписана в оперативных приказах (war-orders) в 1909 г. в бытность Фишера первым морским лордом. Вильсон не внес сюда никаких изменений, Вильсон должен был уйти в отставку по предельному возрасту через 3–4 месяца. Черчилль пришел в Адмиралтейство с определенным намерением иметь новый состав Адмиралтейства по сво-

ему выбору. Документ об образовании Морского Генерального штаба был пробным камнем. Вильсон, получив его от Черчилля, отнесся к нему совершенно отрицательно. Это послужило поводом письма Черчилля к первому министру, в котором он намечает новый состав Адмиралтейства и командования флотом. Новые назначения были утверждены в ноябре 1911 г. и произвели сенсацию в палате общин.

